

Евгения
Сергиенко

МАМА, Я ВЕЛИКАН

Каждый имеет ПРАВО
на собственное
БЕЗУМИЕ

ДЕТЕКТИВ

RED

Евгения Сергеевна Сергиенко

Мама, я Великан

Серия «RED. Выбор редакции»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65160707

Мама, я Великан:

Аннотация

Журналистка Ия одержима своей работой. Она трудится в лучшем издании города и пишет разгромные статьи под псевдонимом Великан. Девушка настолько поглощена своим делом, что иногда даже слышит и видит дотошного старца Великана внутри себя. Нормально ли слышать голоса? Ие некогда думать об этом, ведь у неё столько дел: есть своя колонка в журнале, любящий парень, сложные отношения с родителями, строгий главный редактор и новая «великанская» статья каждый месяц. Так могло бы продолжаться бесконечно, если бы не человек, который каждую минуту наблюдает за Ией, знает её привычки и слабости, одновременно завидует, ненавидит и страстно желает девушку. Некто мечтает подобраться к ней близко настолько, насколько это возможно. Но что если добиться расположения Ии так и не удастся? Тогда решение будет единственным – придется избавиться от неё навсегда.

Комментарий Редакции: Ия – молодая журналистка, работа занимает важную нишу в ее жизни. Громкие статьи,

провокационные материалы – сначала все это сходит героине с рук, пока в ее жизни не вырастает фигура пугающего незнакомца.

Книга «Мама, я Великан» иронична и остра, и каждый творческий человек обязательно увидит в ней себя – словно в отражении зеркала.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	42
Глава 10	56
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Евгения Сергиенко

Мама, я Великан

Глава 1

Великан

Солнце облизывает мои колени.

Смотрит сверху и думает – м-м-м, какая милая девочка, ей не хватает хорошего загара. Воздух вокруг мягкий и сладкий, пропитанный ароматами трав и цветов. Мне тепло, спокойно и хорошо.

Открываю глаза.

Через тёмные очки вижу яркий шар посреди абсолютно голубого неба. В июле солнце особенно горячее.

Снова закрываю глаза.

Со всех сторон доносятся звуки и голоса: дети играют на песке, парочки обсуждают планы на вечер, где-то с шипением открывается бутылка минералки, шелестят упаковки легких перекусов, играет музыка, плещется вода.

Загородный пляж полон.

Я растянулась на лежаке, на самом краю комплекса, дальше от озера и ближе к лесу. Это моё место – дальний угол любимого пляжа, где меньше людей и больше природы. Обыч-

но со мной никто не соседствует, но сегодня, в такой солнечный день, даже на отшибе полно народа.

Странно, но сейчас я совсем не замечаю других людей, а только наслаждаюсь прикосновениями солнечных лучей.

Солнечный свет... Свет... Св-е-е-т... – шепотом произношу это слово, чувствуя вкус каждой буквы, нежное сочетание звуков, растекающиеся перекаты согласных.

Летом я часто прихожу сюда, чтобы поработать. Включаю планшет, открываю тексты и довожу их до идеала. Ловлю мысли, шлифую факты и делаю так, чтобы главред подпрыгивал от восторга.

Но сегодня я в плену у благодатной лени и даже не достаю технику из сумки. Всё равно при слишком ярком солнце буквы на экране будут сливаться, а строчки начнут скакать. Поработаю вечером, дома. А сейчас – солнце облизывает мои колени, и это одно из самых приятных ощущений на свете.

Закрыв глаза, чувствую, как медленно и осторожно подкрадывается сон.

Стараюсь не сдаваться без боя и кручу в голове стержень новой, разгромной статьи. Этот заказ поступил от кого-то из приближенных к депутатскому клубу, и главред вцепился в него безжалостной хваткой. Суть в том, что один прожженный чиновник много лет отмывает деньги через благотворительный фонд, оформленный на любовницу. При этом он выступает в Думе за социальные поправки и семейные ценности – этаким двуличным жуком. Не очень люблю политику,

но работа обязывает быть в курсе всего, и я уже побывала и в фонде, и в Думе по спецпропуску, и даже в кафе, где бес-толковая любовница пила кофе и рассказывала подруге то, о чём вообще не полагается говорить вслух...

Следствие ещё не приступило к работе, хотя фактов до-статочно. Могу предположить, что дело здесь не в деньгах, и задача номер один – унижить афериста, потрепать ему нервы, щёлкнуть по носу. Кто выступает заказчиком – тайна. Воз-можно это жена, кто-то из конкурентов или муж любовницы.

Вариантов масса. Мне нет до этого дела.

Моя задача – статья, от которой наш глянец «Белым по-чёрному» снова взлетит на первые полосы и выйдет двойным тиражом.

Оторвав меня от мыслей, где-то в ногах начинает звенеть мобильник.

Приоткрыв глаза, через солнцезащитные очки вижу, что яркий шар уже не так высоко, но светит по-прежнему очень ярко.

Дотянувшись до телефона, провожу пальцем по экрану и кладу его сверху на щёку. Тревожить меня в разгар выход-ного дня – верх наглости.

– У кого закончилась совесть? – говорю, не посмотрев на экран.

– У тебя! – рявкает в трубку Эф.

Я ждала его звонка и, услышав строгий голос, начинаю улыбаться.

– Неужели ты соскучился и решил позвонить? Это так приятно.

– Ты сказала, что будешь дома, приготовишь ужин, выберешь фильм! Я пришёл – тебя нет!

– А ты сказал, что я всегда могу на тебя положиться. Но когда звонила – не ответил. – Говорю томным голосом, чувствуя, как Эф с каждой секундой всё сильнее закипает. – Опрометчиво давать обещания, которые не можешь выполнить.

– Совещание, блин, внеплановое! Ты же знаешь! Если шеф вызвал в выходной – телефон лучше убрать подальше! Что у тебя случилось? Где ты? – он почти переходит на крик.

– А что случилось у тебя? – Улыбаясь, потягиваюсь на шезлонге.

– Фуры встали на границе! Растаможку не прошли! Материалы не привезли! Объекты не сдались! И не отвечай вопросом на вопрос!

– А у меня сломалась машина. Я хотела, чтобы ты помог. Но...

– Где ты? Где машина?! – перебивает он.

Когда Эф злится, он становится безумно привлекательным. Каждая мышца на его лице напрягается, скулы выступают, плечи поднимаются, и взгляд становится таким диким, словно он бык на рodeo.

Я представляю его рядом и плавно переворачиваюсь со спины на живот.

Тут же сзади раздаётся свист. Видимо, парни на соседних лежаках оценили мой купальник.

– Машина уже побывала в сервисе и прекрасно себя чувствует. А я посвящаю свой выходной работе. Очень занята. – Не оглядываясь, вытягиваю руку назад и показываю средний палец в направлении звука. Свист обрывается.

– Ия. Не беси меня, – говорит он чуть спокойнее, – просто скажи, где ты?

– Не волнуйся, я приеду сама через пару часов. Будет тебе и ужин, и фильм. Всё, пока, целую! – и, чмокнув телефон, обрываю разговор.

В следующую секунду на экране появляется сообщение: «Положи сумку под голову, чтобы не стащили планшет, когда уснёшь!»

Цокнув языком, смахиваю сообщение в сторону, оставляя его неп прочитанным. Он знает меня слишком хорошо, но на каком именно пляже нахожусь, всё равно не догадается – некоторые любимые места я держу в секрете.

Закрыв глаза, чувствую, как погружаюсь в сон.

На самом деле, несмотря на все захватывающие моменты, моя работа достаточно однообразна. Но я стараюсь не терять девичьего романтизма и смотреть на вещи под разными углами. Ведь даже копая под заказных шишек или работая за планшетом, можно не терять веры в чудо и волшебство.

Уверена, однажды мой труд будет оценен валютой большей, чем двойной тираж... Однажды он откроет мне пре-

красную возможность, удивительную встречу или жизненную перемену, от которой побегут мурашки, застучит сердце и весь мой путь озарится сказочным сиянием.

И на последней секунде бодрствования кладу сумку под голову. Черный, мощный, трехядерный планшет – моя работа, мои тайны, мысли и вся моя жизнь. Не без досады думаю о том, что Эф снова прав.

Глава 2

Великан

– Мам, пожалуйста, давай не будем выяснять отношения. Я взрослая девочка и понимаю всю степень ответственности.

Включив фары, завожу машину, плечом прижимая телефон к уху.

Я проспала неприлично долго и когда открыла глаза, на пляже почти не осталось отдыхающих, а солнечный шар стремительно закатывался за горизонт.

– Ты всё время лезешь не в своё дело – это чревато. – Мамин голос полон строгости. – Ты пишешь про серьёзных людей, если кто-то из них узнает, кто автор... Ия! Мне страшно даже представить это! Ты могла бы заняться чем-то другим, у тебя столько талантов!

– Мамочка, пожалуйста, не переживай. – Приоткрыв окна, выезжаю с пляжа через лес, в сторону трассы, ветер свежей струёй залетает в салон и, обняв меня за шею, начинает играть волосами. – Псевдоним – залог безопасности. Никто не знает и не узнает, кто я. Главред обожает мои работы, он знает и уважает папу, деньги в журнал текут рекой, моя личная колонка выходит регулярно, прикрывая всё остальное. Всё налажено, мам, не волнуйся, пожалуйста.

Честно говоря, писать – это мой единственный талант. Я

не умею работать руками, не владею мастерством переговоров и продаж, полный ноль в математике и IT-сфере, а публичные выступления – вообще ад, на публике я трясусь как лист и впадаю в ступор.

Мама вздыхает, и я знаю, что сейчас она качает головой и поджимает губы, желая сказать ещё что-то, но останавливая себя. Знаю, как прямо, расправив плечи, она сидит за столом. Слышу, как нервно постукивает ложечкой по краю кофейной чашки, и чувствую, что где-то рядом кругами ходит папа, делая вид, что занят делами, а на самом деле пытаюсь поймать ноты нашего разговора, чтобы вовремя прервать его, если мы с мамой снова начнём ругаться.

– Дело в том, что ты работаешь не ради денег, – резко говорит она, всё-таки не сдержавшись, – тебе нравится эта работа, нравится копать под людей, нравится смаковать детали и потом кричать об этом на весь белый свет из вашего журнала!

Проехав перекрёсток, соединяющий лесную дорогу и трассу, я выезжаю на асфальт и поворачиваю в сторону города.

– Если ради того, чтобы сотня подонков задумалась о порядочности, нужно прижать хвост одному – то да, мам, я роюсь в грязном белье некоторых людей. Но только некоторых! – я стараюсь говорить спокойно, но не выдерживаю и повышаю голос. – Это главное! Я пишу только о тех, кто этого заслуживает.

– Не нужно прикрываться благородством, – громко говорит она, – ты не вправе решать, кому и как получать по заслугам, и тем более... – её голос вздрагивает, – мы на самом деле очень переживаем за тебя, Ия.

Дорога почти пустая. Крадущаяся темнота опускает небо всё ниже. В сумерках и свете фар деревья с обеих сторон трассы кажутся пугающими темными кляксами, дрожащими под дыханием ветра.

Мне становится не по себе, и я сильнее жму на газ, разгоняя авто до ста километров в час.

– Ты позвонила, чтобы читать нотации? – говорю нервно. Как она умудряется это делать! Позвонить, высказать своё недовольство, задеть меня за живое, а потом расстроиться так, чтобы ещё я её и успокаивала!

Нет! Сегодня номер не пройдёт!

Я так хотела провести день спокойно. Прочувствовать волшебство редкого выходного! Набраться сил! Зарядиться энергией! А что в итоге? Вся на нервах мчусь по трассе, не чувствуя ни малейшего удовольствия от отдыха!

На спидометре сто пятьдесят.

Мама – единственный человек, способный так быстро вывести меня из равновесия. В этом ей нет равных.

– Ия. Это не нотации. Это опасения. Мне не нравится твоя работа. Не нравилась никогда. И я хочу, чтобы ты сменила свой журнал на что-то более приличное! И что за шум? Это что, ветер? Ты что опять едешь с открытыми окнами, тебя

же продует!

– А почему тебе вообще должна нравиться моя работа?

Ветер мощными потоками врывается в машину с обеих сторон, беспощадно мотая мои волосы в разные стороны.

Сто восемьдесят.

– Ах, вот как?! – взрывается мама. – Ещё скажи, что мне не должно быть дела до собственной дочери! Скажи, что я должна спокойно наблюдать, как ты... Как ты...

В трубке раздаётся шуршание, а затем, бодрый папин голос:

– Милая, привет! Едешь домой?

– Да, пап, привет! Уже подъезжаю к городу с пляжа, – я с облегчением выдыхаю. Наконец-то он вмешался.

– Ясно, давай аккуратно. С мамой созвонитесь завтра, хорошо?

– Хорошо пап! Целую!

– И я тебя.

Улыбнувшись, слышу в трубке гудки и немного сбавляю скорость, всё ещё прижимая телефон плечом к щеке. Папа всегда успокаивает и меня, и маму. Если мы с ней можем упереться и стоять на своём как бараны, то папа – прирождённый дипломат.

Ветер продолжает носиться по салону машины. Нажав кнопку на руле, прикрываю окна и только собираюсь немного отпустить газ, как вдруг на пустой трассе появляется автомобиль – чёрный тонированный джип. Он вылетает из-за по-

ворота так неожиданно, что я вздрагиваю и с первого взгляда понимаю – с этой машиной что-то не так. Джип летит на огромной скорости, по разделительной линии между полосами движения.

Холод прокатывается по спине. Я расправляю плечи, крепче сжав руль. Телефон падает между кресел.

Непроизвольно бросаю взгляд на планшет в сумке на сидении рядом. Первая мысль – главное, чтобы планшет не пострадал в случае аварии. Господи... О чём я думаю?!

Джип несётся вперёд, не сбавляя скорости.

«Сумасшедший? Пьяный?» – проносится в голове.

Но я опытный водитель и знаю, что делать.

Доля секунды, и я, сбрасывая скорость, жмусь к обочине, уступая дорогу психу.

Однако он не ценит усилий и, кажется, ещё сильнее забирается на мою – встречную – полосу.

Сердце начинает бешено стучать в груди.

Что он творит?

Ещё доля секунды.

Я, еще сильнее прижавшись к обочине, до хруста пальцев сжимаю руль и во все глаза смотрю на несущуюся навстречу махину.

Что он делает? Что?!

В сумерках я не вижу водителя, не вижу номеров и марку авто. Вижу только свет фар и огромное, чёрное пятно.

Больно дышать. Больно думать.

Ещё доля секунды. Время словно застывает.

Он совсем близко, и я уже не успею съехать в кювет. Не успею вывернуть на пустую встречу.

Хочу закрыть глаза, но не могу и как заколдованная смотрю вперёд.

Миг... В свете фар я вижу лицо мужчины, сидящего за рулём. Его глаза, несмотря на сумерки, скрыты бейсболкой и темными очками. Подбородок заносчиво задран вверх, а губы изогнуты в неприятной, скользкой улыбке.

Время растягивается в тугую массу. Всё вокруг происходит как во сне, и джип, в миллиметре от носа моей машины, на дикой скорости вырывается обратно на свою полосу движения.

Я словно просыпаюсь.

Вскрикиваю. Дико. Громко. Не своим голосом.

От страха перестаю видеть и чувствовать дорогу. До конца жму тормоз и, зажмурившись, чуть не ударяюсь лбом о руль, когда машина резко замирает на обочине.

Только что перед моими глазами промелькнул черный капот. Освещённые фарами номера – все девятки, и лисья улыбка, которая, кажется, перед безумным манёвром стала ещё шире.

Глава 3

Демоны

Как ей это удаётся?! Столько месяцев умело скрывать свою фигуру за псевдонимом. Ловко, чтобы ни одна душа в издательстве не могла даже предположить, что именно она – Великан. Просто невероятно.

Как же хитро, умно!

Нигде не засветилась, ни разу не намекнула, не выкатила на всеобщее обозрение свои способности и мозги. Хотя могла бы.

А ведь над её девчачьей колонкой многие ржут за глаза. Называют соплями, бредом, желтухой... Неужели она не знает об этом? Конечно, знает.

Но как она может работать за двоих?

Наверняка ей кто-то помогает. Редактирует статьи или вообще пишет за неё.

Конечно, так и есть.

Невозможно выполнять такой объём в одиночку. К тому же Великан всегда говорит на мужском языке, это сразу видно и невозможно подделать. А женская колонка от и до написана по-другому – глупым бабским слогом, весело и ни о чём.

Да. Кто-то пишет за неё. Да, да...

Нет!

Нет! Я знаю, что это она! Она!

Просто хочу успокоить себя этими мыслями, но не могу, ведь в глубине души я чувствую, Великан – её второе я.

Сука!

А как она докладывает о рейтингах своей колонки на планёрках? Так скромно, трясась от волнения как листок на ветру, всегда по делу, отвечая застенчивой улыбкой на все ухмылки коллег.

Обезоруживающей улыбкой.

Не могу понять ее, приблизиться к ней, выбросить ее из мыслей!

Удивительная, противоречивая – не боится писать о чиновниках, но боится выступать даже перед своими, держится уверенно в коллективе, но никого не подпускает ближе делового общения.

Не могу её видеть! И не видеть тоже не могу.

Вчера, в кабинете главреда, в своей узкой юбке черного как нефть цвета, она говорила о чём-то с такой искрой в глазах. С другого конца офиса было видно, что она предвкушает новую победу. Новую статью.

Мне хотелось смотреть и смотреть, но, заметив мой взгляд, главред поднялся из-за стола и закрыл жалюзи, оставшись с ней наедине.

Они точно спят?

Нет, и думать об этом не хочу! Даже если так, мне нет ни-

какого дела. Мне наплевать. Я не допущу в свою голову даже тень мысли о том... как расстёгивается замок на её юбке, как легко с плеч слетает блузка, как рассыпаются по плечам длинные волосы. Как она пахнет. Прикасается. Стонет...

Какого чёрта я снова думаю об этом?!

На часах три ночи. И что в итоге? Только туман перед глазами, боль в голове, жар в теле.

Я не могу спать, работать, думать о чём-либо, кроме неё!
Сука!

Глава 4

Великан

– Все девятки! Ты представляешь! Это какой-то местный блотень!

Эф уже второй раз приносит мне в постель тёплый чай.

Укрытая пледом, я до сих пор дрожу от напряжения, хотя с момента нервной встряски прошло несколько часов.

Ни кино, ни ужина сегодня не предвидится.

– Наверное, пьяный! Я узнаю кто он! Узнаю обязательно!

– Успокойся, – строго говорит Эф, – пей молча, только воздух сотрясаешь.

– Да как я могу...

– Всё равно сейчас мы ничего не сделаем. – Он не даёт мне договорить.

Вздохнув, беру чашку из его рук.

Я знаю, что Эф зол ещё больше меня и винит себя за то, что в обед не ответил на звонок, за то, что я поехала на пляж одна. Что не выпытал, где именно я нахожусь и не забрал.

– Ладно. Проехали, – выдыхаю я.

Так хочется сделать хоть что-то именно сейчас, но Эф прав, время уже позднее, да и мысли скачут в голове, не выстраиваясь в ряды.

Несколько минут мы молча сидим друг напротив друга.

В сегодняшней суете он даже забыл переодеться в любимые спортивки, и ходит по дому в рабочих брюках и рубашке, уже заляпанной чем-то на рукавах.

Я отгоняю подальше скользящее в мыслях изображение ухмылки гонщика и стараюсь думать о том, почему серьёзный и рассудительный Эф всегда немного похож на дворового пацана. Думаю о грядущем дне, о том, что на завтрашней планёрке будут вопросы по ребрендингу моей колонки, о том, что главред будет зол, задержись великанская статья хоть на день, и о том, где взять время, чтобы всё успеть.

– Разве тебе не нужно сегодня писать? – Эф обрывает мысли, забирая из моих рук уже пустую кружку.

– Немного позже. Сейчас нет ни сил, ни слов.

Он недовольно сжимает губы, и на секунду его скулы напрягаются так сильно, что лицо чуть меняет форму.

– Значит, снова будешь работать, а не спать?

– Ты же знаешь, я отдыхаю – работает Великан, – говорю с улыбкой, стараясь разрядить обстановку, но чувствую, что улыбка не удалась.

– Ну-ну. – Эф недовольно качает головой, и в его взгляде проскальзывает желание как можно скорее встретить завтрашний день.

Глава 5

Великан

Утром в офисе «Белым по-чёрному», как всегда, шумно. Выйдя из лифта, я сразу попадаю в наш маленький жужжащий улей – ребята носятся с бумагами, говорят по телефону, наливают кофе...

Проходя мимо столов, киваю коллегам, желаю им доброго утра и ищу глазами главреда – но не нахожу.

В начале дня Василий Палыч никогда не сидит у себя в кабинете, чаще всего он, как грозовая туча, медленно ходит по офису, сложив руки за спиной и исподлобья заглядывая за спины должникам: тем, кто не успел сдать материал к назначенному дню.

Но сегодня главреда нигде нет и, уже подходя к своему компьютеру, я чувствую внутри странное чувство нарастающей тревоги.

– Привет, шикарная! – неожиданно где-то над ухом раздаётся масляный голос Ефима. – А я кофе принёс, из кофейни, как ты любишь.

– Что за невиданная щедрость? – обернувшись, встречаю его хитрый взгляд.

Ефим худощавый и высокий – выше меня почти на две головы. Он считает, что такой рост делает его безумно при-

влекательным. Должна признать, что женщины его действительно любят. Ефим освещает все фэшн-события нашего города, без труда находит общий язык с моделями, дизайнерами, постановщиками и берёт горячие интервью у дам из мира моды.

– Ухаживаю за тобой... – наклонившись, говорит он. – Ты же мечтала об этом, правда?

Закатив глаза, забираю из его руки стакан и делаю глоток.

Надо же – вкусно. Кофе сладкой волной отодвигает тревогу на второй план.

– Неужели правда не поленился спуститься в кофейню?

– Ему просто нужно было вниз, – проходя мимо, бросает Дима, – купил по пути, не ведись, Ия!

Дима – низкорослый и смешной, мягко говоря, не выдающийся на фоне других парней. Но у него есть невидимое с первого взгляда преимущество: острый ум. Поэтому он пишет о технологиях и говорит на одном языке с программами.

– А ну исчезни, коротышка! – Ефим оборачивается и хочет поставить Диме щелбан. Но Дима, ловко увернувшись, проскальзывает мимо и, улыбаясь, садится за свой стол.

– Я за тобой вернусь, – прищурившись, говорит Ефим.

– Сам позову, как надо будет лампочку поменять, – отбивает Дима.

– Да иди ты лесом! – щетинится Ефим.

– Сам иди! – Дима отворачивается к монитору.

– Шкет!

– Шпала!

– Недоросль!

– Акселерат!

– Ладно, ладно! – улыбнувшись, делаю ещё глоток. Если их не остановить, могут бесконечно перепираться. – Говори, что надо?

– Вот что ты за человек? – спрашивает он уже обычным голосом. – Насквозь всех видишь!

Ефим – главный жук нашего офиса, раскусить неискренние мотивы его подкатов просто как палец о палец не ударить.

– Что есть, то есть, – бросаю на него чуть надменный взгляд.

– Посмотришь мой материал, а? – тише говорит он. – В середине чего-то не хватает, не могу понять чего, только посмотри до обеда, я уже отправил тебе на мейл.

– Договорились. – Ещё раз глотнув кофе, включаю компьютер.

В этот же миг в офисе резко становится тихо.

Ефим, быстро взвившись, проскальзывает в сторону своего рабочего стола, и все остальные коллеги за секунды рассыпаются по местам.

Оглянувшись, вижу у двери Василий Палыча.

Наконец-то! Я уже устала прокручивать в голове предстоящий разговор!

Но главред явно не в духе. Переступив порог офиса, он исподлобья, никого не упуская, шагает взглядом по столам. Весь наш маленький штат принимается с серьёзными лицами трещать пальцами по клавиатурам.

Дойдя до меня, главред хмурится и чуть подёргивает плечами. Сейчас я единственная, кто смотрит на него, а не на экран своего компьютера.

– Дима, Ефим, Степан... – резко и громко Василий Палыч называет три имени. – Ни черта вовремя сдать не можете! – он почти кричит, за секунду накаляя атмосферу утра. Ефим и Степан слушают молча, а Дима пытается что-то возразить, но главред, сведя брови, вытягивает указательный палец в его сторону. – Если к обеду ваши статьи не лягут ко мне на стол, то сами ко мне на стол ляжете! Распечатаю вашу убогую писанину на самой жесткой бумаге! Сверну в трубочки! И засуну в ваши...

– Извините за опоздание, – тихий голос раздаётся за спиной главреда, обрывая его гнев, и в офис проскальзывает Майя.

Майя – самое милое создание в редакции. С короткой стрижкой, в сером платье почти до щиколоток, напуганная криком главреда, она замирает, переступив порог и, вжавшись в собственные плечи, становится похожа на нахохлившегося воробушка.

– Э-э-э... – Василий Палыч бросает взгляд на наручные часы. – А ты не опоздала, ещё без пяти девять, – говорит он

уже спокойнее.

Всем своим видом Майя напоминает беззащитного ребенка. При таких девушках мужчинам в принципе сложно ругаться, а Василий Палыч вообще относится к ней, да и ко всем нам, по-отечески назидательно.

Майя работает в Белочёрном – так мы ласково называем редакцию – с самого открытия, и пишет только о спортивных новостях. Материал всегда сдаёт вовремя, на планёрках чаще молчит, работает усердно и ни с кем близко не общается.

Я давно думаю о том, что Майя глубокий и думающий человек, выпить с ней кофе и поболтать по-дружески будет очень интересно. Да вот только возможности пока не представилось...

– Всё равно извините, – робко говорит воробушек и подходит к своему столу.

Вздыхнув, главред снова смотрит на парней. Но им повезло. Гневное настроение уже испорчено, и я вижу, что продолжать разнос Василий Палыч не имеет никакого желания.

– Ия, – взмахнув рукой, он призывает меня зайти в свой кабинет. – На пять минут, будь добра.

Ура, дождалась! Переведя компьютер в режим ожидания, выскакиваю из-за стола и, стуча каблуками, почти бегу в кабинет следом за главредом.

Я уже думаю о том, как расскажу ему о вчерашнем инциденте на дороге, о том, как рассердится Василий Палыч, как поднимет связи, непременно поможет мне найти мерзавца,

и как вечером обрадуется Эф, узнав о том, что бессовестный гонщик будет прижучен...

– Смотри-ка, как побежала. Мёдом ей там намазано... – за моей спиной вдруг прокатывается женский шёпот.

Обернувшись, вижу, как Римма, главная сплетница офиса, накручивая локон на палец и наклонившись к сидящему за столом Степану, с ухмылкой смотрит мне вслед.

Ничего удивительного. У этой пигалицы язык без костей. Но уже собираясь отвернуться, я встречаю взгляд Степана.

Всего на секунду он отрывается от монитора. Но этой секунды мне хватает, чтобы растерять все мысли.

Степан – голубоглазый блондин с утончёнными чертами и королевской осанкой. Он хорош собой, и я знаю, что армия поклонниц всех мастей и возрастов помогает ему открывать любые двери. Степан всегда спокоен, сдержан, галантен и метко пишет о политике. Но сейчас, пока Римма торопливо шепчет что-то ему на ухо, придвинувшись совсем близко, Степан смотрит на меня то ли со злостью, то ли с завистью. Его глаза пылают изнутри, между бровей появляются и тут же исчезают две тонкие линии.

Но я не успеваю понять эти эмоции – взгляд Степана слишком быстро снова ныряет в монитор.

По моей спине пробегает холод.

Мы так давно работаем вместе... Но, кажется, я совсем мало знаю своих коллег.

Глава 6

Великан

Усевшись в одно из кресел напротив стола Василий Палыча, я терпеливо жду, пока он снимает пиджак, включает кофемашину, задвигает жалюзи, прячась от взглядов, и, тяжело вздохнув, тоже садится.

– Ия, скажи, что хоть у тебя всё готово, – грустно взглянув на меня, говорит он.

Я киваю.

– Вот это правильно. Вот это хорошие новости.

Заметив, что кофемашина разогрелась, я беру со столика между кресел две чашки и приступаю к приготовлению кофе.

Главред – человек старой закалки, он не наряжается в брендовые вещи, хотя может себе это позволить, по выходным не ходит по значным местам, за всеми делами издательства всегда следит лично и даже не нанимает себе секретаршу, считая это глупой тратой денег. А еще он лично и бережно собрал наш маленький коллектив, как картину из пазла.

Василий Палыч, облокотившись о стол, трёт виски, наблюдая за моими движениями.

Я вижу, что он устал, не выспался и к тому же хочет что-то сказать, но почему-то медлит.

Наверное, подбирает нужные слова, и я не хочу его торопить.

– Кучка ленивых бездарей, – наконец говорит он, когда я ставлю полные чашки на стол.

– Они не бездари, – отвечаю, отхлебнув кофе. Улыбнувшись, он тоже делает глоток.

– Но что они ленивые, как обожравшиеся моржи, ты спорить не будешь?

Я проглатываю смешок.

Вообще-то больше всех в нашем офисе на моржа похож как раз Василий Палыч – его седые усы немного закручиваются по краям, брови всегда чуть-чуть торчат, лысеющая голова добавляет лишних лет, а коренастость, граничащая с полнотой, делает босса неповоротливым.

Только подумав об этом, я вижу, как Василий Палыч расплывается в улыбке.

– Ия, ну имей совесть, разве можно так со своим главным редактором?

Я начинаю хохотать, поставив чашку.

– Вы что, поняли, о чем я думаю?

– Ну конечно, – он чуть не проливает кофе, – так и скажи, сами вы Василий Палыч, морж! Усатый и пузатый!

Я качаю головой, умиляясь его самоиронии.

– Да, ленивые бездари, все до одного! – говорю сквозь смех. – А вы наделены волшебством – способностью читать мысли.

– Правильно, – он поднимает указательный палец вверх, – все лентяи, кроме нас с тобой. И волшебство лучше не искать в повседневности, здесь его нет.

– Думаете? А мне бы хотелось...

– Уверен, – говорит он уже серьезнее. – Так вот, сверху пришли новые указания. В конце месяца издательству исполнится пять лет, и нас ждут перемены.

Улыбка исчезает с моего лица.

– Пять лет – это не юбилей, – говорю, насторожившись.

– Зато цифра красивая и администрации надо. Понимаешь – надо. Ну устроим праздник, что нам, трудно, что ли, подготовим программу, поднимем охваты. Мне звонил сам Валентин Валентинович... – главред начинает щелкать пальцами, вспоминая фамилию начальника. – Белый, опенок, дубовик... Как же, как же...

– Груздь, – напоминаю я. – И что же?

– Точно! И Груздь считает, что нам нужно быть... продуктивней, – последнее слово он произносит проникновенно. – Как в прошлом году.

– Будет новая команда? – У меня округляются глаза.

– Расширить или заменить команду было первым предложением головного офиса, но я хочу работать старым составом и дать каждому сотруднику возможности для роста. – Василий Палыч вздыхает. – Нам в спину дышат конкуренты из Golden City, их продажи за последние два месяца почти равны нашим. У них железная хватка, штат больше, финан-

сирование щедрее, ты же знаешь. – Он сжимает губы. – Нам нельзя сдавать позиции.

Тут я начинаю понимать причины его утреннего негодования. Если сейчас, имея по одному фронту работы, не все в срок справляются с задачами, то что будет, если увеличить нагрузки?

– Дело в контроле, – продолжает главред, – сейчас есть я и есть журналисты. Вы работаете – я проверяю, одобряю, ругаю, наказываю, премирую. Но у меня уже сил не хватает. Ребята это чувствуют. Кто-то стал халтурить и писать левой пяткой, кто-то нагло садится на шею, кто-то даже... – он сильно хмурит брови, – даже не посещает места, которые освещает! Это неприемлемо!

Набрав побольше воздуха, я струной вытягиваюсь в кресле и, кажется, понимаю к чему он ведёт.

– Нет, нет, нет... – качаю головой.

– Да, Ия. Да! – кивает главред. – Мне нужен заместитель и правая рука. И нужен срочно.

Только не это!

Только не я!

Хочу перечить, объяснить, возмутиться, но Василий Палыч останавливает меня взглядом.

– Ты не можешь отказаться, потому что сам я не справлюсь, а кроме тебя мне довериться некому. Ия, я не оставляю тебе выбора, так нужно, я чувствую!

Глава 7

Демоны

Невозможно смотреть на то, как она летит в кабинет главреда. Счастливая, окрылённая, понимающая вес всех возможностей, которые может дать ей этот старый хрен.

Просто невероятно.

Когда я представляю, как они спят, мне хочется разбить его морщинистую морду. Хочется вцепиться в башку и бить его лбом прямо о стол в кабинете. Долбить нещадно, раз за разом, пока кровь не начнёт брызгать во все стороны, и пока он не станет в ужасе звать на помощь.

Сегодня её повесили.

Дурно думать об этом, а не думать невозможно.

Столько лет главред сам стоял у руля. Сам решал все вопросы. Сам координировал работу и выводил нас в топы!

Не хватает фантазии, чтобы вообразить, как она этого добилась.

Что я ощущаю? Понять это очень просто – я чувствую зависть! Обжигающую и обволакивающую!

Мама всегда говорила мне, что завидовать нельзя, что зависть съедает изнутри и не приносит ничего, кроме злости и боли. Но меня это чувство толкает вперёд, заставляет вкушать жизнь, желать и искать пути добиться желаемого.

Если бы она была здесь, возможно, поняла бы меня.

Глава 8

Великан

Я не созванивалась с родителями два дня – на душе кошки скребут.

Нет, я давно не завишу от них, но осадок после неприятного разговора с мамой никак не исчезает. Может быть, она права? Или я была слишком резка?

Не знаю, наверное, как всегда, хороши мы обе.

Я пытаюсь отвлечься от мыслей о маме и кручу в руках пригласительный Эфа на какой-то умный форум.

– Филип... Фи-и-илип... Филип-п-п...

Больше всего в его имени мне нравится первая буква – «ф» с артиклем «э».

Э-ф.

Коротко, понятно, необычно. Каждый раз, когда глянцевый прямоугольник скользит между пальцев лицевой стороной вверх – читаю его полное имя. Сначала растягиваю «и», проглатывая согласные, затем выдуваю «п», и она тянется за именем, как пушистый хвост за котом.

– Оставь пригласительный в покое, – говорит он, не отрываясь от ноутбука. На экране столбы непонятных графиков. – В пятницу не смогу забрать тебя с работы, начало в пять.

– Я вижу. – Семнадцать ноль-ноль – обведено и подчёркнуто. Наверняка постарался шеф Эфа, делая акцент на недопустимости опозданий.

– А ты бы пошла со мной? – почти равнодушно спрашивает он.

– Нет, – отвечаю, отложив пригласительный и растянувшись на постели.

– Вот как? Почему это? – он не ожидал такого ответа.

– Не люблю тусовки. На последней конференции от Белочерного со мной никто даже не разговаривал – пришлось ходить по залу между кучек людей в дурацком платье с голой спиной, улыбочкой и светским видом...

Засмеявшись, Эф наконец отрывается от экрана.

– ... и там наверняка все будет очень пафосным. Таким же, как твоё имя.

Покачав головой, он закрывает ноутбук. В спальне становится темно, но лучи света, долетающие из-за окна, едва уловимо освещают лицо Эфа.

– Ты когда-нибудь отстанешь от моего имени? – Встав из-за письменного стола, он задергивает шторы, включает ночник и ложится рядом прямо в спортивных штанах и домашней футболке.

– Это вряд ли!

Улыбнувшись, он тянется меня поцеловать, но как только я закрываю глаза и подаюсь вперёд – легонько щелкает пальцами по моему носу.

– Ай! Ну что ты делаешь!

– Отстань от моего имени! – вкрадчиво говорит он и всё же целует меня.

– Оно создано для приставаний. В нём слишком много букв и непривычных для русской речи сочетаний.

– Ну, началось... – отстранившись, Эф закидывает руки за голову и ложится на спину.

– Зачем вообще людям столько букв в именах? Чтобы путаться, забывать, ломать языки? Двух-трёх, ну, может быть, четырёх букв достаточно для инициации. А некоторым и одной хватит. Ты понимаешь? – перевернувшись на живот, заглядываю ему в глаза. – Не все достойны того количества букв, которое есть у них в имени. Буквы и слова куда приятнее применять для чего-то прекрасного, для душевных разговоров, для описаний, для рассказов... А не для того чтобы высокопарно обращаться друг к другу.

– Человек – мелок, слово – бесконечно... – нараспев произносит Эф, но выражение его лица говорит о том, что я несу какую-то чушь.

– Ты думал об этом когда-нибудь?

– Нет, но я думал о том, как ты могла не поговорить с главредом о придурке на встрече. Пробили бы его через ГАИ, а ты бы написала заявление.

Я вздыхаю.

– Не пришлось к слову.

– Значит, ты сама буквы используешь не по назначению.

– Мы говорили только о моём повышении... – я закатываю глаза, – будь оно неладно!

– А это правильно. Тебя давно пора повысить. Не нужно сопротивляться своему росту. Хватит уже быть рядовым журналистом.

– Ты не понимаешь! Я буду больше работать, буду устывать, нервничать!

– Ты и так много работаешь, устаёшь и нервничаешь, – с улыбкой говорит Эф, – пора бы это официально оформить.

– Да уж... – я кладу голову ему на грудь.

Осталось понять, как теперь работать в коллективе, который несколько лет был родным, а сегодня оказался совсем незнакомым и чужим.

В памяти проплывает сегодняшнее совещание.

Я ждала понимания, принятия, волшебства, присущего настоящим командам, болеющим общим делом.

А получила...

Конференц-зал. Круглый стол. На нём папки, распечатки, выпуск прошлого месяца и издания конкурентов. Все сосредоточены. Кто-то добывает презентации, отчёты, свои материалы. Одни прописывают вопросы, другие продумывают отмазки... Никто не знает, что до запланированных тем дело не дойдёт.

Василий Палыч радостно сообщает, что голова поставила новые задачи, что нас ждёт увеличение объемов работы,

новые горизонты и, соответственно, новые цифры в зарплатных бланках. С первых его слов я сижу как на иголках, вытянувшись в струну и ожидая главного события дня.

Выпитые мной три таблетки успокоительного слишком слабы и не могут справиться со страхом. Меня трясёт, тошнит и бросает то в жар, то в холод.

Пытаюсь успокоить себя тем, что здесь все свои. Что нужно будет только встать, поблагодарить и улыбнуться. Но страх не уходит, и никакие оправдания не помогают... Даже одно слово, сказанное на публике – мой худший кошмар.

И дело не только в этом.

Будут ли коллеги рады тому, что именно я вхожу в новую должность?

Да. Думаю, что да.

Мы долго работаем бок о бок. За эти годы я никому не отказала в просьбе посмотреть текст или прикрыть перед главредом. Не участвовала в сплетнях, не воровала идеи. Одним словом – вела себя вполне пристойно и, возможно, моё повышение будет принято с пониманием.

Об этом я думаю, пока Василий Палыч говорит о том, что сейчас ему особенно сильно требуется помощь и поддержка.

Первой осторожный взгляд в мою сторону бросает Римма. Я вижу, как она напрягается и плотно сжимает пухлые губы. Меня обдаёт холодом изнутри.

Василий Палыч продолжает вещать, называет себя старым моржом. Ссылается на возраст, усталость и трудовой стаж.

Ефим и Дима впиваются в меня глазами.

Дыхание сбивается, сердце начинает медленно и тяжело биться.

Дальше идет тирада об энергичности, работоспособности и ответственности молодёжи. Василий Палыч загибает пальцы, перечисляя качества, которые присущи каждому из нас, но в особенности – мне.

Все сотрудники издательства, едва заметно переглядываясь, косятся на меня. В изгибах их губ лежит моё имя.

«Ия» – две гласные. Звнящее сочетание. Произношение приподнимает уголки губ в улыбке. Но улыбок на лицах коллег нет. Ни у кого!

Улыбается только Василий Палыч.

По ключицам, шее, лицу, предательски ползёт пурпурный румянец. Я смотрю на коллег, и меня бросает в жар.

«... Я рад сообщить, что с сегодняшнего дня к обязанностям заместителя главного редактора преступает Ия Яновна! Прошу принимать каждое её слово как моё личное, относиться с уважением и пониманием!»

На миг в конференц-зале застывает звнящее молчание. Но торжественный тон главреда подразумевает аплодисменты, и через мгновение они нарушают тишину.

Никто не рад... Никто!

Даже наоборот!

Я встаю. Через силу.

Говорю что-то невнятное о значимости оказанного дове-

рия, о том, что я не подведу, буду вкладываться и работать на результат... Моё сердце бьётся как бешеное. Руки дрожат.

Через секунду все аплодируют еще сильнее и натягивают улыбки, больше похожие на оскалы, Василий Палыч не замечает этого, бодро хлопает меня по плечу, говорит напутственные слова. Кто-то шутит, не нужен ли заместитель заместителю, кто-то смеётся. И в целом, со стороны, всё может выглядеть мило и даже дружно, если бы каждой клеткой не чувствовалась всеобщая злость и непонимание.

Я прохожусь взглядом по лицам коллег, надеясь найти хоть в чьих-то глазах поддержку или намёк на радость. Но нет, безрезультатно. Передо мной только холодные взгляды и натянутые губы.

Мне плохо и почему-то страшно.

Единственный, кого я не вижу, – это Степан. Он сидит справа от меня и на протяжении всего совещания плавно водит ладонями под столом, то сплетая, то расплетая длинные пальцы. Для него это обычное занятие на важных встречах – кажется, что руки танцуют, пока все тело остаётся статичным. Чтобы взглянуть в его глаза, мне нужно повернуть голову. Но я не делаю этого, оставаясь уверенной в том, что на его лице тоже повис неприятный оскал.

Когда аплодисменты прекращаются, главред объявляет совещание законченным, а напряжение достигает своего пика – я, залитая краской, опускаюсь на место.

Как только я сажусь, танцующие ладони Степана склады-

ваются в сердце и замирают на миг, чтобы я успела это увидеть.

– Ты это заслужила, – до меня едва слышно доносится его голос.

Унимая дрожь, я сижу неподвижно, так и не взглянув на Степана.

Почему я не смотрю на него – не знаю сама.

– Ты сегодня останешься у меня? – Эф обрывает воспоминания и нежно целует меня в висок.

Кажется, я почти уснула.

– Да, только нужно раздеться и поставить будильник на четыре, – говорю, нащупывая пуговицы на его рубашке и начиная расстегивать их. – В восемь срок сдачи великанской статьи, а она ещё не отредактирована.

Глава 9

Великан

Первый день в новой должности.

Будильник стоял на четыре, но я проснулась в два. Закончила статью от Великана, отправила её главреду, додела-ла материал в свою колонку и оставшееся время составляла список предложений по улучшению качества работы изда-тельства. Хотела набросать пять-десять пунктов, но случай-но получилось больше ста. Начиная с азов тайм-менеджмен-та и решения задач коллективными методами, до лайфхаков по работе с программами по проверке текстов и мастер-клас-сов по ведению переговоров.

Бережно упаковав планшет в чехол, позавтракав одним тостом и пообещав Эфу, что вечером его точно будет ждать ужин и фильм, я отправилась в издательство почти на час раньше, чем всегда.

Летний дождь окатывает прохладой, как только я делаю шаг из подъезда. Двор уютный, зелёный, с красивыми ухо-женными клумбами.

Дождь совсем не вписывается в этот двор, такой двор дол-жен быть залит солнцем, смехом детей, украшен мамочками с колясками и милыми маленькими бабульками на скамей-ках.

Но вокруг пусто.

Полной грудью вдохнув утреннюю свежесть, присаживаюсь на одну из скамеек у подъезда – ту, что под козырьком. Всё равно я вышла слишком рано, если приеду в офис первой – ребята решат, что я хочу «включить босса».

Мелкие капли падают с неба и разбиваются об асфальт возле моих ног.

Сбрасываю одну туфлю и вытягиваю ногу вперёд, подставляя щиколотку прохладным каплям. Глаза сами закрываются от удовольствия. Если бы не работа, я отправилась бы гулять под этим дождём. Сбрасываю вторую туфлю и болтаю в воздухе обеими ногами. Сегодняшнее утро – само совершенство.

Вдохнув ещё глубже, не обуваясь, опускаю ноги под лавку. Застывшие камешки асфальта тут же хватают меня за голые пятки, холодные струйки воды обвивают пальцы. Туфли лежат рядом и тоже становятся мокрыми от летящих под наклоном капель.

Яркие лепестки цветов на клумбе блестят от влаги. Ветки деревьев качаются на ветру, как в танце. Растущие лужи своим отражением удваивают зелень, делая ярким и живым даже асфальт. Я чувствую, что наполняюсь спокойствием, которое вчера на совещании покинуло меня.

– Магия какая-то, – говорю сама себе, глядя в небо и двигаясь чуть глубже под козырёк. Дождь прекрасен – но свою белую блузку и строгую офисную юбку я мочить не собира-

уюсь.

– Здесь всегда так, – сзади раздаётся бодрый женский голос. – У нас уютный двор. Вы ведь не отсюда?

Я резко оборачиваюсь. Из открытого окна первого этажа на меня смотрит красивая девушка. Облокотившись о подоконник, она пьёт из большой цветастой кружки что-то горячее – пар хорошо виден в утренней прохладе.

Интересно, давно она за мной наблюдает?

– Нет, я живу в центре, – отвечаю, быстро засовывая ноги обратно в туфли.

– В центре другие ощущения, – говорит она, улыбаясь.

Почему-то мне сразу хочется улыбнуться в ответ.

Короткая стрижка, добрые глаза, аккуратные черты лица и стильные серьги, блестящие при каждом движении – я часто бываю у Эфа, но эту девушку вижу впервые. Пожалуй, она немного старше меня, возможно, тоже работает в СМИ – справа на подоконнике замечаю стопку свежих журналов, один из которых «Белочёрное», несколько наших конкурентов и два издания, которые вообще можно раздобыть только по подписке.

– Да, от своего дома я бегу подальше, а здесь хочется задержаться. Удивительно.

Окончательно обувшись без помощи рук, я несколько раз топаю ногами, фиксируя туфли.

– Зачем вы... – она кивает на мои ноги, – сидели бы босиком, это же роскошь.

– Да как-то неловко, – я всё-таки улыбаюсь.

– Иногда нужно заземляться, – она мечтательно поднимает глаза вверх, – чтобы не улететь.

– Улететь... – повторяю я, уже совсем повернувшись к ней.

С наслаждением втянув ноздрями утренний воздух, девушка возвращает взгляд ко мне.

– А почему вы сидите под моим окном, одна, так рано утром? – вдруг вкрадчиво говорит она, приподняв одну бровь.

– Э-э-э... – И что сказать? Что вчера меня повысили? Что я почти не спала ночью, вся извелась и уже не могу сидеть дома?

– Так получилось. Рано вышла на работу, – сухо говорю я и думаю, что пора уходить, как вдруг холодные капли начинают с силой молотить по асфальту, а двор меркнет в темноте накатившейся тучи.

Поёжившись на скамейке, я беру на колени чехол с планшетом, который всё это время лежал рядом.

– Тогда, может быть, какао? – снова спрашивает девушка в сергах.

Какао?

Как только она произносит это слово, я проглатываю слюну и понимаю, что сейчас больше всего мне хочется именно какао, хотя уже лет сто я не вспоминала об этом напитке! Но ведь неудобно пить какао на скамейке, в чужом дворе, в

такую рань? Или нормально, ведь она сама предлагает? Или всё-таки встать и уйти? Я же могу подняться к Эфу и взять зонт, или добежать до машины – она за углом...

Но пока я, растерявшись, думаю, что сказать, девушка в серьгах, легко улыбнувшись, исчезает в окне и через несколько секунд появляется уже со второй цветастой кружкой в руках.

Удивительное утро.

– Я не помню, когда в последний раз пила какао, – говорю, сделав большой и сладкий глоток. – Наверное, это было в детстве. Спасибо большое.

– Все пьют его в детстве, и это я тоже сварила для детей.

– У вас дети? – почему-то меня это удивляет.

– Да, двое. Близнецы, – весело говорит она. – Они ещё спят, а я наслаждаюсь тишиной. Скоро проснутся, и начнётся суматоха – сад, работа, домашние дела.

Я отхлёбываю ещё какао.

Надо же, двое детей и такие красивые серьги, которые она надела с самого утра. Это удивляет ещё больше.

– А у вас есть дети? – снова вкрадчиво спрашивает девушка, кажется, уже зная ответ.

– Нет еще, есть только работа и парень. Парень как раз в этом подъезде живёт.

– Значит, вам повезло, – широко улыбнувшись, говорит она. – Филипп хороший и порядочный молодой человек.

– Вы его знаете? – поднимаю брови от удивления.

– Конечно. Мы здесь живём давно, и он единственный молодой человек в подъезде. Мой муж иногда разговаривает с ним, когда встречается во дворе или на парковке. Приятный, улыбочивый, ни в каких сомнительных делах не замечен, – сказав последнее, она весело подмигивает.

– Хорошая характеристика, – засмеявшись, я вспоминаю, что примерно так же подумала про Эфа, встретив его впервые.

Был поздний вечер. Ветреная осень. Я вытирала слёзы, сидя на холодных перилах у магазина возле своего дома. Магазин уже закрылся, свет уличных фонарей не доставал до его крыльца и мне казалось, что здесь я останусь незамеченной прохожими.

Я только начинала работать в издательстве, энергия била через край. Я мечтала о справедливости и хотела изменить мир даже чуть больше, чем сейчас. В моём неуёмном уме уже родились мечты о Великане, я рассказала о них Василий Палычу и получила полную поддержку любых действий в этом направлении. Но почему тогда я решила, что мама тоже поддержит меня и сочтёт идею гениальной? Мне было так важно её мнение, и я ждала именно её одобрения... Но получила совсем неожиданную для себя реакцию.

Когда Эф подошел ко мне и встал рядом, я в сотый раз обвиняла себя в глупости, наивности и неумении держать язык за зубами. «Нужно было рассказать ей после того, как выйдет первая статья. Вот тогда она оценит мои старания! Поймёт

масштаб!» – думала я, шмыгая носом и прячась в воротник от ветра. Тогда я не могла знать, что после выхода первой статьи мама будет негодовать.

– Что хочешь?! – резко бросила я, глядя на Эфа, стоявшего возле ступенек. – Подвезти? Угостить? Что? – мой голос срывался от слёз. – Не вовремя подошёл, разве не видно?!

– Ты замёрзла, – спокойно сказал он и стянул с головы вязаную чёрную шапку. – На, держи. Завтра в это же время отдашь.

Я не успела ничего ответить – Эф уже сунул шапку мне прямо в руки и быстро зашагал дальше по тротуару.

В тот вечер я просидела на крыльце до полуночи, а когда ночной ветер стал колючим от первого снега – натянула шапку Эфа на голову.

– Главное – честная, – игриво потряхнув короткими волосами, говорит девушка. Серьги переливаются и мерцают.

– Что? – переспрашиваю, вернувшись из воспоминаний.

– Честная характеристика! – повторяет она. – Меня, кстати, зовут Маша.

– Приятно, а меня – Ия.

Девушка окидывает взглядом двор, по которому без остановки ходят полосы дождя.

– Ия, может быть ещё какао?

Сегодня, стук моих каблучков по паркету звучит особенно

громко. Возможно, потому, что моего прихода ждали, а как только я вошла в дверь, привычное звучание офиса словно убавили в несколько раз. Фразы оборвались, голоса стихли, взгляды устремились на меня.

Только этого не хватало. Неужели нельзя просто работать! Просто!

Как раньше!

– Поздравляю с повышением! – первым подходит Ефим. – Спасибо за вчерашний текст, ты подтянула его так, что главред меня похвалил. – Он улыбается во все тридцать два зуба. – Кстати, ты как всегда бесподобна. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо, – включая компьютер, говорю холодно. Я хорошо помню его лицо вчера, когда Василий Палыч назвал моё имя, а после трёх больших кружек какао кофе мне действительно не хочется.

– Да ладно тебе, Ия. – Ефим присаживается на край соседнего стола. – Не дуйся. Просто твоё назначение – как снег на голову. Да и сама понимаешь, каждый хотел бы оказаться на твоём месте.

Ну-ну. Как же!

Моё хрупкое спокойствие, пойманное сегодня утром, сразу даёт трещину.

Каждый мечтал бы не спать? Не видеть жизни за пределами издательства? Не расставаться со статьями даже в выходные?

– Уверен? – поднимаю колючий взгляд.

– Ну... – улыбка сползает с его лица. – Пожалуй, нет. Не уверен.

Пока компьютер загружается, Ефим успевает выпалить речь о том, что я самый надежный человек в Белочёрном, что если бы главред выбрал кого-то другого, он бы негодовал и возмущался, а так – просто позавидовал немного и успокоился.

Его слова звучат вполне искреннее. Или мне хочется так думать?

После того как Ефим выговаривается и уходит, появляется Римма, с сияющими густо подведёнными глазами и примерно такой же речью, а затем подлетает воробушек-Майя и насколько может крепко пожимает мне руку, сдержанно говорит, что эта должность создана для меня. Первый раз за утро я искренне улыбаюсь. Не подходит только Степан, но он вроде как высказался вчера.

– Ты правда так считаешь? – спрашиваю Мию.

– Абсолютно! – не задумываясь, говорит она и отводит краснеющие от слезинок глаза.

– Спасибо, – почти шепотом говорю я, – мне это очень важно.

Когда засмущавшаяся Майя отходит, я вижу, что всё это время из своего кабинета за мной наблюдает Василий Палыч. Положив руки на пояс, он смотрит строго или даже сердито. Встретившись со мной глазами, главред делает быстрое движение головой, призывая зайти в свой кабинет.

– Всё утро тебя жду! – хмурясь, констатирует он, когда я усаживаюсь напротив.

– Ребята поздравляли с повышением, – со вздохом говорю я, – они не очень-то рады.

– Это не наше с тобой дело, – заявляет главред и резко кладёт на стол несколько листов с текстом. – А вот это наше, – он повышает голос, – головной офис с самого утра делает мне мозги!

Пододвигаю листы, с первых строк узнаю свою статью. Вернее, статью Великана.

– Я отправил им твой материал и теперь очень зол! Очень!

– Почему вы недовольны? – пробежав глазами по абзацам, убеждаюсь, что всё в порядке. – Здесь подтверждённые факты, есть записи с диктофона, фотографии, всё в планшете у меня под рукой, могу показать...

Округлив глаза, Василий Палыч откидывается в кресле и издаёт протяжный стон. – Только этого не хватало!

– Да можете вы объяснить, в чём дело? – ничего не понимая, начинаю закипать. – Я работала над статьёй почти два месяца, почему вы недовольны, это же бомба!

– Вот именно! Бомба! – Василий Палыч сдавлирует виски пальцами. – В твоём материале есть фамилии высокопоставленных людей!

– Есть. Но это же не наш регион. Вы говорили, что мы можем писать о том, что напрямую не касается нас. Мы так уже делали и никого не боялись!

– Удали все записи! Все фото! Сегодня же!

– Да объясните же?!

– Ты слышала, что впереди губернаторские выборы? – подавшись вперёд, спрашивает главред.

– Конечно.

– Стало известно, что за день до них наш глава подаст в отставку и на его место выдвинут... – взяв распечатку, он тычет пальцем в фамилию в первой же строке, – угадай, кого?!

Я стискиваю зубы.

– Блин! Только не это! – С досадой бью ладонью по мягкой ткани подлокотника. Злость факелом вспыхивает внутри. – Неужели никого получше не нашли?

– Это решать не тебе, – снова хмурится главред. – Нужно всё быстро переделать. Оставить суть – отмывание денег, измену, тему негосударственных фондов, – но не указывать ни одной фамилии.

– Но это будет вода! – я возмущенно вытягиваюсь. – Потеряется весь смысл!

– Сделай так, чтобы смысл не потерялся, – всплеснув руками, Василий Палыч встаёт и начинает ходить по кабинету, – надави на чувство справедливости, на незаконную вседозволенность, на безнравственность...

– Бред! Мы всегда говорим фактами! За это Великана и любят! Он не боится сказать правду! Поэтому раскупают тиражи и...

– Ия! – главред обрывает меня. – Я! Я боюсь сказать прав-

ду! В этот раз она не нужна! Переписывай! Ты же знаешь, я всё чувствую и здесь нужно поступить именно так!

– Но вы же всегда ко мне прислушиваетесь...

– Переписывай!

– Давайте оставим хотя бы намёки, выдержки...

– Я сказал – переписывай всё! Решение не обсуждается! – сведя брови, Василий Палыч берет листы и разрывает их на части. – В этот раз компромиссов не будет.

Ключки бумаги, плавно покачиваясь в воздухе, опускаются на стол. Моё негодование сменяет обида.

– Ладно! – бросаю я и встаю с кресла. – Как скажете!

Чувство, как будто что-то очень надёжное и крепкое ускользает из под ног – всезнающий, всегда понимающий и человечный Василий Палыч подрезает мне крылья! Я почти ощущаю физическую боль! Вся творческая и профессиональная мощь внутри меня протестует и не хочет укладываться в рамки!

– Что-нибудь ещё? – спрашиваю с каменным лицом.

– Да, – уже спокойнее говорит он. – Статью в твою колонку я тоже видел. Она хороша, ты молодец, – Василий Палыч загибает первый палец, – сегодня в обед дам всем ребятам дополнительные задания, – второй палец, – их материалы уже отправил тебе на проверку, – третий палец, – если будет нужна тишина или отдых – разрешаю поработать дома, ты делаешь большие объёмы и можешь позволить себе пару дней на удалёнке, – четвертый палец.

Мирным отеческим тоном Василий Палыч хочет разрядить накалённую только что обстановку, но я смотрю на него ледяным взглядом.

– И что же, что же... – он устремляет взгляд к потолку, словно ища там подсказку. – Ах да, поскольку ты мой зам, я поговорил с Валентин Валентиновичем... Э-э-э... – главред морщится, вспоминая, и начинает перебирать шепотом: – Шампиньон, масленок, мухомор... как же, да что ж такое...

– Груздь, – зло цежу я.

– А, да! Точно! Он повышает твою зарплату на двадцать пять процентов, сегодня подписываю приказ. – Главред улыбается, но не натурально – натянуто и чуть виновато.

– Спасибо. Это именно то, что сейчас нужно, – говорю с сарказмом и, сделав театральный поклон, выхожу из кабинета.

Хочется кричать! Плакать! Ругаться и топать ногами!

Злость с обидой румянцем раскатываются по лицу.

Новость о прибавке должна была стать бонусом, а выглядит как подкуп.

Сердце стучит медленно и сильно.

Великан – честный взгляд на вещи, пример решимости и бесстрашия. Сегодня ему впервые было велено закрыть рот.

Садясь за свой стол, замечаю, что почти весь офис снова притих и как бы незаметно поглядывает на меня.

Закатываю глаза.

Не раздражайся, Ия! Не раздражайся! Не раздражайся!

Набираю пароль, открываю «входящие» в электронке. В письме от Василий Палыча несколько файлов. В названии каждого – фамилия коллеги.

Какое счастье, что у меня есть любимая работа – лучшее лекарство от тяжёлых мыслей.

Нужно пережить неделю, а потом в моём распоряжении будет пляж, солнце и сочный летний воздух.

Глава 10

Демоны

Если бы можно было не бояться отказа.

Подойти к ней и пригласить поболтать. Немного пройтись. Возможно, даже выпить.

Или переспать.

Сказать, что я всё о ней знаю и этим обезоружить, испугать, вынудить её согласиться.

Но нет, она не из пугливых и на всё согласных. Она умеет отшивать одним взглядом, ещё до того, как парень откроет рот. Это было видно на прошлой конференции, когда все смотрели на её платье с голой спиной, но никто не осмелился подойти. В её голове всегда есть выходы и решения.

Сегодня, наблюдая за тем, как уверенно она держится, как самозабвенно работает, как наслаждается своей новой должностью, а видя, что все смотрят на неё, закатывает глаза от удовольствия – оставалось только досадовать.

Почему моё место в рядах недостойных второсортных писак, а её – в первых рядах перспективных и топовых журналов?

Почему именно она получает всё, о чём мечтает каждый человек в Белочёрном?

Она, она, она...

Все мои мысли вертятся вокруг её работ, её присутствия, вокруг её дурацкого имени!

Ия! Как глупо и сладко звучит.

Даже не находясь здесь, она заполняет всё пространство моей квартиры!

А ведь если бы её не было, все могло бы сложиться совсем по-другому.

Нет, я не имею в виду её полное отсутствие, а всего лишь её исчезновение из системы или потерю функциональности. Полонку.

Если поразмыслить, может существовать много событий, способных вывести из рабочего состояния хрупкую девушку.

Эта мысль сидит в моей голове уже несколько дней.

Если бы её не стало, то тогда... Тогда... Настоящие таланты смогли бы проявить себя! Раскрыться! Получить признание!

Однако жаль ломать то, что любишь. И перед тем, как переходить к действиям, я хочу убедиться, что она не станет моей. Что мои самые смелые фантазии не имеют будущего и обречены на провал.

Или шанс всё-таки есть?

Достаточно подумать об этом, чтобы меня начало трясти от желания.

Но вариантов развития событий всегда несколько. Ведь не только мне хочется сдвинуть её с первой полосы.

Не так давно в издательстве произошла интересная сцена. Пришлось задержаться в офисе, и мне посчастливилось стать свидетелем занимательного разговора.

Несколько крепких ребят в строгих костюмах бесцеремонно вошли в кабинет главреда и не потрудились закрыть за собой дверь. Далее последовала напряжённая беседа о статье, которая вышла месяц назад из-под пера Великана. Ребята не угрожали и не ругались, они просто хотели узнать имя автора, а получив его, обещали никогда больше не беспокоить издательство. Говорили настойчиво, предлагали вознаграждение, козыряли связями. Но главред – крепкий орешек. Он настаивал, что все статьи заказные, пишутся удалённо через головной офис, что он никогда в глаза не видел Великана и только проверяет факты в материале. Моему удивлению не было предела! Надо же, какая игра! Какой достоверный образ! Главред так убедительно отстаивал Ию и свою «ненастоящую» правду, что убедил бы кого угодно.

Только не меня.

Уходя, ребята пообещали, что найдут автора любой ценой. Их напор не вызывает сомнений. Но пока я не знаю, радоваться этому или нет.

Глава 11

Великан

Я много раз слышала о том, как Василий Палыч набирал нашу команду.

«Ко-ман-да»... – слово крепкое, как мужское рукопожатие и основательное, как фундамент дома.

Но в редакции мы называем друг друга не командой, а коллегами.

«Коллеги» – совсем другое сочетание букв, слово колючее как еж, скользкое в середине и даже чуть надменное в конце. Коллеги – означает, работай слаженно, но будь начеку. Доверяй – но не раскрывай душу. Иди к цели – но будь готов к конкуренции. Близкого человека коллегой не назовут, это слово создает дистанцию.

Впервые размышляю о ребятах в таком ключе. И следом приходит другая, еще менее приятная мысль – в каждом коллективе есть лидеры, середняки и отстающие. Это известный факт и закон природы. Лидеры смотрят вперед, середняки оглядываются, чтобы не потерять позиции, а отстающие тоже смотрят вперед, потому что терять им нечего. Поэтому рокировка – был первым, стал последним и наоборот, – так жизненна и встречается часто.

Хорошо, что в редакции никто не знает, что это я – Ве-

ликан, а соответственно – лидер. Это мой залог спокойной работы.

Пока Эф ведет машину и разговаривает по телефону о фурах с цементом, я любуюсь видом вечернего города и погружаюсь в воспоминания.

Когда Белочерное было только проектом, главред мечтал, что молодые и амбициозные ребята соберутся вместе и возьмутся за дело так рьяно, что незамедлительно станут лучшими и создадут журнал, который будет бить все рейтинги.

Намерение Василий Палыча было настолько сильным и настоящим, что воплотилось в жизнь при первой же возможности.

Вопреки общепринятому мнению, он брал на работу только тех, кого знал и в кого верил. Ни опыт, ни примеры работ, ни рекомендации именитых коллег не имели для него веса. Он выбирал сам, своим чутьём.

«Ия, ты же знаешь, я все чувствую», – его любимая фраза.

Первым звеном стал Степан – выпускник журфака с тройками в дипломе. В детском возрасте у него случилась какая-то неприятная история с мамой – она то ли бросила его, то ли тронулась умом, а отца в жизни Степана никогда не было. Мальчик рос под присмотром дальних родственников, всегда был проницателен, иногда дерзок, на всё имел личное мнение и мечтал «выбиться в люди». Но в университете его самобытность не оценили – молодому журналисту дали отрицательную характеристику все педагоги, считая, что

парень не приживется ни в одном нормальном издании. Так считали все, кроме одного преподавателя – старого друга Василий Палыча, лектора по политическому праву и политологии. Друг главреда сказал: «У парня талант, но он интересуется только политикой и слишком избирателен, чтобы писать про всё подряд». Василий Палыч предложил Степану вести политические новости и не ошибся.

Потом появилась Майя, самая младшая из нас, но вместе с этим самая ответственная и всегда собранная. Майя тоже личность с непростой судьбой – главред встретил ее на одном из судебных процессов, которые освещал, еще когда работал журналистом. На скамье подсудимых был кто-то из близких девушки. Майя переживала так, что вызвала сочувствие и интерес Василий Палыча. Как выяснилось позже, любовь к журналистике была у нее в крови, и после поступления на заочное отделение журфака Майя сразу стала частью коллектива. Она до сих пор учится, но это никак не мешает работе.

Далее в коллектив вошла Римма – она старше нас и до Белочерного долго работала корректором в местной газете, без перспектив карьерного и зарплатного роста. Римма – одноклассница племянницы Василий Палыча. Он говорил, что его родная сестра всегда ставила Римму в пример своей дочери, как образец безупречной грамотности. Когда стало понятно, что Белочерному нужен корректор – Василий Палыч без труда нашёл Римму и предложил ей зарплату мечты. Де-

вушка уже тогда кучу денег спускала на шмотки с салонами красоты и была счастлива сменить место работы.

Затем появился Дима – сочетание компьютерной гениальности и мастерства слова. Василий Палыч наблюдал за Димой на одном из сайтов для копирайтеров: там парень регулярно побеждал в конкурсах для пишущих людей, выгружал свои статьи, которые вызывали у главреда восторг, и острил комментариями в местных спорах, доводя Василий Палыча до смеха со слезами. Он читал Диму несколько лет и по специфике языка догадался, что Дима программист, а затем решил, что наступит день – и он позовёт парня на работу, дав ему возможность заниматься любимым делом за деньги. Так и случилось.

Потом в команду влился Ефим – хитрый талантливый выскочка. Ефим только на первый взгляд кажется простым, а на самом деле никому не известно, что творится у него на душе и в голове. Когда нужно, он расслаблен и выглядит рубахой-парнем, в другой обстановке – представляет себя честолюбивым правдорубом, в женской компании – стреляет глазами на поражение и всегда вызывает интерес. Он наш издательский хамелеон. Его статьи, кстати, всегда очень хороши. И мне кажется, что просит помощи или доработки он просто от лени.

Да уж... До чего все ребята загадочные и непростые. Но, наверное, так и должно быть, ведь наша работа требует жизни ума, а это значит, что и жизнь журналиста должна быть

нескучной. К тому же, я ни сколько не сомневаюсь в способности Василий Палыча ставить на кадры – за несколько лет работы в нашем коллективе не поменялся ни один человек.

Машина заезжает на парковку, и пленка моих воспоминаний останавливается. Изображения Степана, Майи, Риммы, Димы, Ефима замирают в офисных декорациях, затем отдаляются, расплываются и исчезают. Моя работа – мой второй дом. Но все-таки я совсем мало знаю коллег.

Глава 12

Великан

Кажется, Эф счастлив. Наклонившись над тарелкой, он с наслаждением ест приготовленный мамой жульен.

– Дождался-таки домашней еды, жаль, не от меня, – говорю, легонько толкнув его локтем.

– От тебя дождёшься... – невнятно отвечает он, не успев прожевать. – Если бы твои родители нас не пригласили – сдох бы на полуфабрикатах.

Взяв хлеб, Эф смачно проводит им по дну уже пустой тарелки и с удовольствием съедает кусок.

– М-м-м... Это же великолепно!

– Филипп, она что, тебя совсем не кормит? – мама проходит на кухню с банкой домашнего варенья в руках.

– Бессовестно морит голодом! – улыбаясь, отвечает Эф.

Я, изобразив обиду, надуваю губы.

Папа с интересом наблюдает за нами. Ему нравится Эф, он говорит, что встретить порядочного парня в наше время – везение.

– А помнишь, когда мы были молодыми, ты тоже редко баловала меня домашней едой, – говорит он маме и тянется через стол, забирая у неё банку. – Теперь зато – завтрак, обед, ужин и, вон, даже заготовки домашние. – Открыв крышку,

папа выкладывает варенье в вазочку.

Я проглатываю слюну, Эф впивается в варенье взглядом – круглые, сочные бока вишен торчат из бордового желе.

– Тогда я работала в газете. Уходила рано, приходила поздно, не до заготовок было, – вздохнув, мама наливает чай в маленькие чашки и тоже присаживается за стол.

– Налетайте, молодежь! – командует папа.

Эф запускает ложку в варенье и, поймав несколько ягод, молниеносно отправляет их в рот.

– Ешь так, как будто я брошусь отбирать у тебя вишню, – подтруниваю я.

– А кто тебя знает, – почти серьёзно отвечает Эф.

Мама, умиляясь, наблюдает за нами. Голодные гости для неё большая редкость и радость.

Раньше она действительно проводила много времени на работе, и в моих детских воспоминаниях предстаёт чаще в деловом образе – аккуратной, строгой, всё время пишущей что-то в толстую записную книжку. Тогда записных книжек у нас было несколько, в одной хранились номера телефонов и адреса, в другой рецепты, в третьей дни рождения родственников и друзей. Друзей, кстати, всегда было значительно больше, а родственников я могла сосчитать по пальцам. Но мамина записная книжка была особенной и загадочной. Она делала записи быстро, по наитию, ловила мысли и факты прямо на лету и рассаживала их на странички. Записи не были секретом – записная книжка часто лежала открытой на

холодильнике или на подоконнике. Но когда я заглядывала в неё, ожидая увидеть что-то совершенно невероятное, что-то, что перевернёт моё воображение и допустит в мир важных взрослых дел – мой детский взгляд спотыкался о совершенно неразборчивый мамин подчёрк. От этого её записи становились ещё более волшебными.

– Вот он, вкус детства. – Облизав ложку, папа целует сидящую рядом с ним маму в щёку.

Ещё мама хорошо рисовала. Я часто видела в уголках страниц красивые синие цветы, маленьких синих птиц, аккуратные синие домики. Паста в её ручке неизменно была синей, и хотя в моём детстве уже были ручки других цветов, мама оставалась на стороне однотонного текста. Заглядывая в её записную книжку, я всегда недоумевала, как одна и та же рука может в рисунках и узорах использовать грациозные линии, а важные записи превращать в непонятные закорючки.

– Ну, рассказывайте, что у вас нового? Как успехи на работе? – улыбаясь, мама обращается больше к Эфу, чем ко мне.

– Всё прекрасно. Трудимся, развиваемся, иногда даже отдыхаем, – отвечает Эф, отхлёбывая чай.

В его ладонях чашка смотрится смешно и неловко. Так же как в папиных.

По случаю нашего прихода родители достали праздничный чайный набор, который отличается красотой, но не

удобством.

– И ты тоже отдыхаешь? – теперь мама смотрит на меня.

– Стараюсь... – говорю я и тут же замираю.

«Стараюсь» – что значит стараюсь? Это слово вылетело прежде, чем я успела остановить его на экране своего воображения. Покрутить перед внутренним взором, рассмотреть со всех сторон и оценить вес.

Мама едва уловимо приподнимает бровь.

Это слово означает, что я прикладываю усилия, но пока не получаю результата!

Я стискиваю зубы.

Зачем она спросила об этом сейчас? Неужели начнёт воспитывать меня? Момент совсем неподходящий.

Проглатываю ком в горле, ожидая начала шторма. На секунду повисает пауза.

Улыбка на мамином лице теряет весёлость. В глазах появляется смешенная с заботой грусть.

Но мама молчит... Не цокает, не вздыхает, не начинает постукивать ложечкой о край чашки... Что это значит? Что сегодня шторма не будет?

Да и с чего ему быть – одергиваю я себя. Ведь она не может знать о том, что я работаю в каждый свой выходной. Не может знать, что мой будильник часто заведён на четыре. И о том, что спать я ложусь за полночь, она тоже знать не может.

Усмирив мысли, немного расслабляюсь.

– ... Вернее – отдыхаю. Конечно, отдыхаю, – мой голос

звучит легко и непринуждённо, – регулярно и качественно.

Не нужно нотаций, мама. Не нужно супер-опеки. Твоя дочь – взрослая девочка и сама всё понимает. Тем более, такой темп не вечен. Год, максимум два понадобится, чтобы закрепить свои позиции среди журналистов, а потом я буду работать по накатанной. Буду отдыхать, расслабляться и брать отпуск два раза в год. Просто именно сейчас – время для роста, для движения без остановки с силой и амбициями. Спортсмены называют это «наращиванием массы», а журналисты – просто трудовыми буднями.

Неожиданно она улыбается, как-то очень искренне и легко.

– Ты присматривай за ней, ладно? – мама снова обращается к Эфу.

Да. Шторма не будет. Ура!

– Приложу все усилия, – отвечает Эф и адресует мне серьёзный взгляд.

Я стараюсь сдержать улыбку, но не могу и, хихикнув, прикрываю рот рукой – серьёзность всегда делает его каким-то особенно милым.

Глава 13

Великан

Сегодня дальний угол моего любимого пляжа практически пуст. Всему виной плавающие по небу тучи и не сильный, но прохладный ветер.

Мне нравится такая погода, несмотря на то, что купальник я даже не доставала.

Расстелив не пригодившееся полотенце под одним из тополей, опираюсь спиной о толстый ствол дерева и, уложив планшет на коленях, начинаю переписывать великанскую статью.

Сначала отключаю чувства и включаю концентрацию. Представляю, что у меня чистая и пустая голова, без звуков, картинок и мыслей. Там, внутри, тепло и темно, как в просторном, только что построенном доме. Всё самое необходимое есть – но завести мебель и занять пространство ещё не успели. Есть коридоры, полки, комнаты, и всё такое «своё», выстроенное по индивидуальному проекту, что можно легко ориентироваться и чувствовать себя свободно даже в темноте. Здесь, в самой дальней комнате, в своём кабинете работает, курит и занимается делами мой добрый друг – Великан.

Девчонка Ия отходит в сторону, а Великан не торопясь покидает кабинет и усаживается на её место.

Надо же помочь подрастающему поколению.

И он поможет, так и быть.

Великан – мужчина в годах. Даже не то чтобы в годах – Великан почти старик. Я не знаю, как его зовут на самом деле, ведь он никогда не представлялся, просто пришёл однажды в мою голову, выбрал себе комнату и сделал кабинет.

Великан высокий и крепкий, насколько может быть крепким мужчина, чей расцвет сил завершился лет тридцать назад. Он опытный и бесстрастный, всегда немного уставший, скептически настроенный и суровый. Он знает, о чём говорит. Он не сомневается и не боится. И даже сейчас, когда его попросили закрыть рот, он лишь снисходительно улыбается, делая скидку на слабость других людей. Великан знает ответ на вопросы, до которых я ещё не доросла. Он может обосновать свою точку зрения так, как способен только мужчина, и брызгает ядом на глупых неугодных так, как умеет только брюзжащий дед. Он бывает язвительным, противным и наглым, но главное, что он – явление безошибочного анализа. Собирая в одну цепочку все предпосылки и следствия, Великан часто знает о событиях наперёд. Так и сейчас, дописывая первую за свою жизнь безобидную статью в преддверии губернаторского назначения, Великан знает, что исход выборов будет неожиданным.

– Василий Палыч сказал, что всё уже решено. С чего вдруг ему ошибаться? Он осведомлен о политических течениях.

– Твой Василий Палыч – сопля зелёная. Думает, что зна-

ет всё обо всём. – Великан поднимает указательный палец вверх и поправляет планшет на коленях. Ему не нравится сидеть под деревом. У него бо́льшая спина.

– Неудобно? Можем пересесть, – говорю с заботой.

– Нормально, – кряхтит Великан, окончательно усевшись.

– А что может повлиять на ход выборов? – спрашиваю я.

– Думаю, что справедливость.

– А она есть?

– Мозгами-то своими птичьими пораскинь, – пыхтит он. – Бестолковые кобели, которые даже любовницу не могут от жены спрятать, высокие посты не занимают.

– Так это что, жена под него копает? Ей же невыгодно?

– Ты разглагольствовать сюда пришла или статью переписывать? – перебивает меня Великан и хмурит седые брови. – Я вообще-то ненадолго к тебе вышел.

– Статью... – вздыхаю я.

– Значит, закрой рот и смотри, как грамотные люди работают.

Глядя на Великана, я думаю, можно ли назвать его присутствие моим сумасшествием, а если и можно, то в какой степени это сумасшествие измерить. По десятибалльной шкале это двочка, типа галлюцинаций, или десятка и больше похоже на шизофрению?

Но мне нравится думать о Великане не как о безумстве, скорее, он являет собой волшебство, которое приходит на помощь в нужные моменты жизни.

Ведь так бывает? Или нет?

Удивительно, но получается легко, читаемо и даже интересно. Постепенно я вылавливаю из текста все факты, оставляю интригу и заставляю читателя гадать над поставленными вопросами. Великан никогда прежде не писал такого, и несколько раз я даже думаю о том, чтобы оставить «крючки», по которым умный человек всё же догадается, о каком политике идёт речь, а главред, возможно, пробежавшись взглядом, оставит мои подсказки без внимания.

Хотя... нет, не оставит. В этот раз он прочтёт каждое предложение особенно внимательно.

Да и кого я обманываю. Я никогда не подставляю Василий Палыча, и если сейчас ему не нужна правда, мы прибережем ее до следующего раза.

Занимаясь статьёй, я перестаю замечать, как течет время. Телефон стоит на беззвучном режиме, лес шумит за моей спиной. Накатившиеся на небо тучи не торопятся прорываться дождём, и всё вокруг располагает к тому, чтобы я выдала достойный материал и счастливая отправилась домой.

Конечно, в офисе тоже нормально работается. Но сегодня Василий Палыч уехал на встречу, и ребята как с цепи сорвались – галдели, пытались втянуть меня в каждую беседу, без конца интересовались друг у друга мнением и заставили мою голову закипеть от шума. Если бы главред слышал этот балаган, он сказал бы что-то вроде: «Вам что, охломоны, на-

доело писать для глянца, хотите объявления расклеивать?» Или рывкнул бы: «Следующему, кто нальёт себе кофе, я сахар прямо в рот насыплю, залью кипятком и размешаю!»

Но я – не Василий Палыч. Не вступая в дискуссии, я просто придумала себе дела и уехала из офиса, оставив ребят на волне приподнятого настроения.

Офис офисом, но природа – лучший источник вдохновения.

Слова быстро рождаются в моём уме, выпрыгивают из-под пальцев на белые листы документа и складываются в наполненные смыслом предложения. Я прописываю абзац за абзацем, лишь изредка поглядывая на количество знаков. Место на первой полосе строго ограничено – превышать нельзя, сдать меньше положенного – тем более. Закончив статью, ещё около часа подгоняю её под заявленный размер, затем проверяю орфографию, перечитываю несколько раз и, убедившись наконец, что работа сделана хорошо, – отправляю на мейл Василий Палыча с пометкой «стыд, позор, халтура».

Ответ приходит молниеносно: «Ты и халтура – понятия несовместимые. Спасибо, что переписала». Вздохнув, сворачиваю окна и перевожу планшет в спящий режим – ответил так, как будто у меня были варианты.

Как только экран чернеет, прямо на него с неба падает большая холодная капля. Я бережно стираю воду ладонью и прячу планшет в чехол. Летний дождь, как всегда, начина-

ется стремительно; быстро засунув вещи в сумку, я бегу в сторону проходной, втягивая голову в плечи.

Нужно было припарковаться ближе, на пляже всё равно никого нет, только сторож сидит в маленькой будке у шлагбаума, читая газету. Моя глупая привычка – не нарушать правила. Из-за неё я промокла как мышь и даже немного замерзла.

Собрав мокрые волосы в пучок, завожу машину, дождь уже льёт стеной. Придётся ехать медленнее обычного и тщательно вглядываться в дорогу. На мгновение я думаю, не позвонить ли Эфу и не попросить ли забрать меня с пляжа, а машину вернуть на парковку, но вспоминаю, что сегодня у Эфа конференция. Значит, добираться придётся самой, а вечер я проведу дома в гордом, но приятном одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.